

11. Уголовно-процессуальное законодательство Чешской Республики : Учебно-метод. пособие / Краснояр. гос. ун-т; Сост. Л.В. Майорова. Красноярск, 1999. 107 с.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Греческой Республики / Науч. редак. и предисл. канд. юрид. наук С.И. Карибова; перевод с греч. к.ю.н. С.И. Карибова, В.И. Карибова. РЮИ РПА Минюста России, 2014. 412 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сопронюк Александр Андреевич – соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики Львовского национального университета имени Ивана Франко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sopronyuk Aleksandr Andreyevich – Applicant at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of Ivan Franko National University of Lviv

sopron.s@ukr.net

УДК 341.1/8

ИСКАТЕЛИ УБЕЖИЩА КАК ОСОБОЕ ПРАВОВОЕ СОСТОЯНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Игорь СОРОКА,

аспирант кафедры международного и европейского права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема правового статуса искателей убежища как особой категории лиц в международном праве. Анализируются причины возникновения такого состояния и его отличие от статуса беженца в международном праве. Рассматривается проблематика становления международного права убежища и правовое регулирование состояния искателей убежища в современном международном праве. Делается вывод, что понятие искателей убежища некорректно формулировать в категориях правового статуса, правильнее использовать термин «правовое состояние» как характеристику прав и обязанностей человека, находящегося в поисках получения правового статуса беженца.

Ключевые слова: искатели убежища, беженцы, международное право убежища, статус беженца, Конвенция о беженцах.

ASYLUM SEEKERS AS SPECIFIC LEGAL STATE IN INTERNATIONAL LAW

Igor SOROKA,

Postgraduate Student at the Department of International and European Law
of National University “Odessa Law Academy”

SUMMARY

The article deals with the problem of the legal status of asylum seekers as a special category of persons in international law. The causes of this state and its difference from refugee status in international law are analyzed. The problems of the development of international asylum law are considered and the legal regulation of the state of asylum seekers in modern international law is considered. It is concluded that the concept of asylum seekers is incorrect to formulate in terms of legal status, it is more correct to use the term “legal status” as a characteristic of the rights and obligations of a person in search of obtaining legal status of a refugee.

Key words: asylum seekers, refugees, international asylum law, refugee status, Refugee Convention.

Постановка проблемы. Одной из характеристик современного мира является повышенная мобильность населения и постоянное перемещение больших масс людей из одних стран в другие. Не всегда такое перемещение является добровольным. Распространенной является ситуация, когда десятки, сотни и тысячи людей вынуждены бежать из мест своего постоянного проживания за рубеж из-за вооруженных конфликтов, беспорядки, ситуаций массового и грубого нарушения прав человека, природных и техногенных катастроф и других факторов. Кризис с беженцами в Сирии особенно остро продемонстрировал недостаточную подготовленность как права государств, так и международного права

в целом, к реагированию на такие кризисы. В отличие от статуса беженца, который подробно регламентирован соответствующим Конвенции, статус искателя убежища не имеет конвенционного регулирования. Однако следует говорить об устоявшимся массиве обычных норм, отраженном в актах международных организаций и судебных решениях по искателям убежища.

Актуальность темы исследования для всего региона Восточной Европы определяется тем, что Украина является как страной назначения, так и страной транзита для лиц, желающих обратиться за статусом беженца. В Украине в данный момент проживает более пяти тысяч лиц, обратившихся за таким статусом. Таким образом,

речь идёт об обязательствах Украины в отношении достаточно большой группы уязвимых лиц. Точное определение принадлежащих им прав необходимо с целью предоставления таким лицам максимально полной защиты и реализации их прав, а также для точного исполнения Украиной своих международно-правовых обязательств.

Состояние исследования. Правовые проблемы, связанные с институтом убежища, затрагивались в некоторых украинских работах, в частности, в диссертационных исследованиях О.Р. Посидинок, О.И. Беспаловой и В.И. Чуенко. Однако комплексные исследования данной проблемы даже на уровне отдельных статей в Украине отсутствуют.

Целью и задачей статьи является исследование института права на убежище в международном праве и установление особого правового состояния лиц, ищущих убежища.

Изложение основного материала. Право на убежище имеет давнюю историю в международном праве. Такое право, вероятно, существовало со времен начала организованных отношений между большими группами людей. Как указывает О.В. Буткевич, с возникновением первых протогосударственных образований возникает разделение людей на собственное население и иностранцев, проживающих на территории государства. Так, в аккадском языке были известны такие категории иностранцев, как чужеземцы, пришельцы и беженцы [1, с. 15]. В известном договоре между египетским фараоном Рамзесом II и хеттским царем Хатусили, который был заключен в 1278 г. до н. э., предусматривалась взаимная выдача беглецов, причем особенно оговаривалось, что они должны быть возвращены в целостности с их имуществом, а в стране, куда их возвращают, их не казнят и не подвергнут пыткам и жестокому наказанию.

Истоки современного права убежища связаны с правом войны, во время которой большое количество иностранцев оказывалась на территории государства в качестве пленных, захваченных гражданских лиц, или перебежчиков. Собственно, слово «asylum», используемое в современном английском языке, и слово «asil» во французском языке происходят от древнегреческого «asylon». Это слово состоит из

приставки «а», которая указывает на противопоставление, и слова «syle», которое означало право на захват или право плена. То есть слово «asylon» указывало на свободу от восторга или плена [7, с. 19]. Для обеспечения этой свободы устанавливались священные места, такие как храмы и кладбища, или некоторые объекты, такие как статуи богов или правителей, где лицо не могло испытать любого преследования или захвата. Так, известно, что в Древней Греции храмы богов служили убежищем от тиранов. В этот период, однако, трудно различить убежище как право, принадлежащее только иностранцам, и право, принадлежащее любому человеку, стремившемуся скрыться от произвола.

В средневековой Европе право убежища поддерживалось авторитетом церкви, которая выступала арбитром в феодальных спорах и предоставляла защиту лицам, скрывавшимся от преследования. Это право носило обычный характер и не регулировалось никакими правовыми нормами. В то же время исследователи уделяли ему внимание в своих работах, посвященных отношениям между правителями. Так, Франциско ди Виттория (1480–1546) упоминал об обязанности принимать иностранцев, которые бегут от преследований, как о части права международных отношений. Гуго Гроций (1583–1645) рассматривал предоставление убежища как обязанность государства, указывая что «при длительном выдворении изгнанников с места их постоянного пребывания, иностранцам, ищущих убежища, не должно быть отказано, если они готовы подчиниться установленной власти и всем другим условиям для предотвращения беспорядков». При этом Гроций делал различия между правом на убежище невиновных лиц и преступников, которым такое право не предоставляется [3, с. 211].

Виттория и Гроций принадлежали к школе естественного права, однако понятие права убежища было известно и представителям позитивистской школы. Так, С. фон Пуфендорф (1632–1694), а в дальнейшем К. Вольф (1679–1754) и Э. де Ватель (1714–1767) рассматривали убежище как право монарха наделить иностранца определенным благом по его просьбе, но по

усмотрению суверена. Убежище здесь становится не правом, а статусом, которым наделяет лицо принимающее государство по собственному решению. Отголоски естественно-правового и позитивистского подходов можно увидеть и в современном международном праве убежища [12, р. 38].

Средневековые и раннее новое время стали периодом осознания человечеством необходимости права убежища. Возникли суверенные государства в современном смысле этого слова, и эти государства получали все больший контроль над собственной территорией и населением. При таких условиях урегулирования правового статуса лиц, которые вынужденно прибыли из другого государства, их отличия от нежелательных иностранцев, таких как шпионы и преступники, стало насущной необходимостью.

Согласимся с В.И. Чуенко, которая отмечает, что средневековая и современная история полна примеров вынужденного переселения людей из одних государств в другие. К ним относится бегство жителей Британских островов во Францию из-за вторжения викингов, переселение мусульман, бежавших от крестоносцев, и христиан, бежавших от наступления исламских государств, массовое бегство людей из мест постоянного проживания из-за религиозных войн. В XVIII–XIX вв. происходили случаи бегства людей от революционных событий. Первая мировая война, распад империй, Гражданская война в бывшей Российской империи и, наконец, Вторая мировая война продемонстрировали международный характер проблемы беженцев, которая могла быть решена только усилиями всего международного сообщества [10, с. 11].

Вследствие указанных событий в международном праве появляется понятие беженства. Впервые оно было использовано после Первой мировой войны. Окончательное определение оно приобретает после Второй мировой войны с созданием в 1946 г. Международной организации по делам беженцев и принятием в 1951 г. Конвенции о статусе беженцев. Известно определение из настоящей Конвенции беженца как лица, которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку

расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических взглядов, находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений, или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных действий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений [5].

Отметим, что Конвенция ставит статус беженца в зависимость от наличия у лица определенных обстоятельств, которые делают его беженцем. Однако в практике государств сложился другой подход, который ставит статус беженца в зависимость от признания этого статуса государством. В частности, украинское законодательство содержит отдельные положения о порядке признания лица беженцем в Украине. То есть лицо может одновременно считаться беженцем по действующим нормам международного права, однако не считаться беженцем по праву государства, на территории которого она находится. Это создает для лица особую ситуацию, когда она уже имеет право считаться беженцем, однако еще не получила такого статуса от принимающей страны. Такие лица в международном праве характеризуются как искатели убежища.

Прибыв в страну иную, чем страна гражданства или постоянного проживания (для лиц без гражданства), лица, бегущие от преследований, определённые в Конвенции о беженцах, могут обратиться за статусом беженца. Однако до вступления такого статуса они находятся в определенном «подвешенном» состоянии, когда неизвестно, будет ли им предоставлен соответствующий статус. В этот момент, с точки зрения международного права, они находятся в международно-правовом состоянии лиц, ищущих убежища. Речь идёт именно о состоянии, поскольку статус искателей убежища никак не определён ни одним международным документом, и существует исключительно в литературе, доктрине и судебной практике. Невозможно говорить о строго определённом наборе прав и обязанностей таких лиц, речь

идёт скорее об общем правовом статусе человека, к которому добавляются некоторые права и ограничения.

Единое определение понятия убежища в международном праве отсутствует. Однако можно говорить о существовании определенных признаков, его характеризует:

- право государства принимать человека на своей территории как искателя убежища;
- право государства позволять проживание на своей территории лиц, ищущих убежища;
- обязанность государства воздерживаться от выдворения таких лиц со своей территории, особенно в страну происхождения;
- обязанность государства воздерживаться от преследования, наказания или иного ограничения прав искателя убежища [11, р. 13].

Можно говорить о трех составляющих международного права убежища: право государства предоставлять убежище, право человека искать убежища и право человека получать убежище.

Первым из приведенных прав является право государства предоставлять убежище. Оно логически вытекает из государственного суверенитета, который предоставляет государству свободу усмотрения в отношении действий на собственной территории. Одним из проявлений этого является хорошо установленное в обычном праве правило, согласно которому суверенное государство имеет право предоставлять убежище или отказывать в убежище лицам, находящимся на ее территории. Как отмечает А.Л. Чернявский, в отечественной доктрине институт права убежища определяется именно как суверенное право государства предоставлять или не предоставлять убежище иностранцам [9, р. 249].

В международном праве право государства предоставлять убежище представляется бесспорным. Оно подтверждается универсальными и региональными международными соглашениями, а также практикой государств. Первоначально следует вспомнить Всеобщую декларацию прав человека, который позволяет каждому человеку «искать убежища от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем» [2]. Один из авторов Декларации профессор Г. Лаутерпахт

указывал, что ее формулировку следует толковать как дающее каждому государству право предоставлять убежище и отрицать требования об экстрадиции. По мнению Лаутерпахта, право предоставлять убежище «принадлежит каждому государству по международному праву».

Вторым международным документом является Декларация о территориальном убежище, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1967 г. Согласно Декларации, «убежище, предоставляемое каким-либо государством во исполнение своего суверенитета лицам, имеющим основания ссылаться на ст. 14 Всеобщей декларации прав человека, включая лиц, борющихся против колониализма, должно уважаться всеми другими государствами» [4]. Более того, по той же статье, оценка оснований для предоставления убежища лежит на государстве, предоставляющем убежище, что опять же подтверждает первичность государственного суверенитета как основания возникновения института права убежища.

Вторым аспектом права убежища является право лица искать убежище. Его следует отнести к индивидуальным правам искателя убежища, которое он имеет относительно своей страны происхождения. По сути, оно является правом лица покинуть страну своего гражданства (для лиц, имеющих гражданство) или постоянного проживания (для лиц без гражданства), оставить свою страну в поиске убежища. При этом государство гражданства (постоянного проживания) не может преследовать лиц, которые ее оставляют. Так, согласно ст. 13 (2) Всеобщей декларации прав человека, каждый имеет право оставить любую страну, в том числе, свою собственную.

Аналогичная норма содержится в ст. 12 (2) Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [6]. Это право признается и в других международных документах. Так, согласно Дополнительному протоколу № 4 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждый, кто законно находится на территории какого-либо государства, имеет право свободно передвигаться и свободно выбирать место жительства в пределах этой территории. Каждый свободен

покидать любую страну, включая собственную [8]. Для осуществления этих прав не могут быть установлены никакие ограничения, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной или общественной безопасности для поддержания общественного порядка, предотвращения преступлений, охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Это же право постулируется в ст. 22 (2) Американской конвенции о правах человека 1969 г. Также его существование неоднократно подчеркивалось Подкомиссией по предотвращению дискриминации и защите меньшинств Комиссии ООН по правам человека. Следовательно, можно говорить об универсальном признании права человека искать убежища.

Третьим компонентом права убежища является право лица получать убежище. Хотя о существовании права получать убежище как о естественном праве человека говорили еще Гроций и Суарез, наличие этого права, как представляется, до сих пор полностью не признано мировым сообществом. В частности, проблемным вопросом является то, что относительно государства существует право человека искать убежища. Исследование международных документов и практики государств показывает отсутствие общего согласия международного сообщества о праве получать убежище или, по меньшей мере, проблемным является вопрос об обязанности государства, корреспондирует этому праву.

Ст. 14 Всеобщей декларации прав человека провозглашает право человека искать и получать в других странах убежище от преследования. Однако это положение, скорее, указывает на право лица искать убежища, однако не на право его получать. В частности, профессор Г. Лаутерпахт критиковал это положение, отмечая, что предоставление лицу права искать убежище, не устанавливая корреспондирующей обязанности, не позволит эффективно пользоваться данным правом. Он указывал, что это положение предоставляет государству право предоставлять убежище и не было большой необходимости включать его в Декларацию [11, р. 7]. Итак, Декларация фактически не создала никаких инноваций в суще-

ствующем международном праве относительно права лица получать убежище от конкретного государства. Однако следует вспомнить, что начальная версия текста ст. 14 была сформулирована следующим образом: «Каждый имеет право искать и получать в других странах убежище от преследования». Такое положение, очевидно, наделило бы физических лиц правом по отношению к обязанности государств уважать это право. Однако оно не вошло в окончательную версию текста Декларации.

На таком фоне неудивительно, что проведенная в 1977 г. Конференция ООН по вопросам территориального убежища с целью принятия соответствующей конвенции потерпела неудачу. В предложенном проекте конвенции содержалась статья, по которой «каждое государство, действуя во исполнение своих суверенных прав, приложит все усилия в гуманитарном духе для предоставления убежища на своей территории любому лицу, которое имеет право пользоваться преимуществами Конвенции». Среди государств не удалось достичь согласия по этому и другим положениям, и возможность закрепления права на получение убежища была упущена. До сих пор этот вопрос решается исключительно внутренним правом государств в соответствии с принципом государственного суверенитета.

Выводы. Из изложенного следует вопрос, существует ли вообще в международном праве такой институт, как право убежища, который был бы отличным от института беженства? Подробное рассмотрение показывает, что ответ на этот вопрос, скорее, положительный. По меньшей мере, этот институт широко признается в доктрине и практике международного права. Пожалуй, первое его доктринальное определение было предложено Институтом международного права как защиты, предоставляемой одним государством гражданину другого государства от этого другого государства. Предоставление такого убежища является суверенной прерогативой каждого государства, контролирует перемещение лиц через собственные границы и позволяет прибытие и пребывание иностранцев. Такой иностранец, которому разрешается пребывание на территории государства, получает право

пребывания на территории государства независимо от того, отвечает ли он требованиям, которые обычно предъявляются к иностранцам, которые хотят прибыть в государство. Это право отражает баланс между территориальным суверенитетом государства и правом на защиту, которое имеет индивид.

Список использованной литературы:

1. Буткевич О.В. Історія міжнародного права. Київ, 2013. 413 с.
2. Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена в резолюции 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 г. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_015 (дата звернення: 23.12.2018).
3. Гроций Г. О праве войны и мира / Под ред. С.Б. Крылова. Москва : Ладомир, 1994. 868 с.
4. Декларация о территориальном убежище Принята резолюцией 2312 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1967 г. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_316. (дата звернення: 05.01.2019).
5. Конвенція про статус біженців, 1951. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_011 (дата звернення: 23.12.2018).
6. Міжнародний пакт про громадянські і політичні права від 1966 р. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_043 (дата звернення: 07.01.2019).
7. Потёмкин В.П. История дипломатии. Том I (XV в. до н. э. – 1871 г.): монография. Т. 1. Москва : ОГИЗ, 1941. 566 с.
8. Протокол N 4 до Конвенції про захист прав людини і основоположних свобод, який гарантує деякі права і свободи, не передбачені в Конвенції та у Першому протоколі до неї. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/994_059 (дата звернення: 09.01.2019).
9. Чернявський А.Л. Інститут права притулку в сучасному міжнародному праві. *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету*. Сер.: Юриспруденція. 2013. № 6-1. Т. 2. С. 249–252.
10. Чуєнко В.І. Правове регулювання статусу біженців

в Европейському Союзі: сучасний стан і перспективи розвитку : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11. Харків, 2018. 235 с.

11. Boed R. The State of the Right of Asylum in International Law. *Duke Journal of Comparative & International Law*. 1994. No 5. P. 1–34.

12. Rixer A. Right to Asylum in International Law. Károli Gáspár University of the Reformed Church in Hungary, Budapest, 2016. 152 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорока Игорь Александрович – аспирант кафедры международного и европейского права Национального университета «Одесская юридическая академия»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Soroka Igor Aleksandrovich – Postgraduate Student at the Department of International and European Law of National University “Odessa Law Academy”

offer3@ukr.net

УДК 343.9

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ КОНГРЕССОВ ООН ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПНОСТИ И УГОЛОВНОМУ ПРАВОСУДИЮ КАК БАЗИС ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ПРОГРАММЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В УКРАИНЕ

Алексей ТИТАРЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент, докторант
Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование по вопросу использования международных стандартов при формировании государственных целевых программ противодействия преступности. Осуществляется анализ выводов и рекомендации отдельных конгрессов ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию с целью формирования в обобщенном виде основных принципов и подходов, которых целесообразно придерживаться государствам при разработке превентивных программ. Особый интерес в этом аспекте представляют декларации, принятые по результатам конгрессов ООН: «Венская декларация» (2000), «Бангкокская декларация» (2005), «Сальвадорская декларация» (2010) и «Дохинская декларация» (2015). Обосновано, что законодательством Украины недостаточно урегулированы вопросы относительно обязательности соблюдения международных принципов и подходов (стандартов) при формировании государственных программных документов в сфере противодействия преступности, в связи с чем предлагается ряд инициатив.

Ключевые слова: конгрессы ООН, принципы и подходы превентивного программирования, программа противодействия преступности.

CONCLUSIONS AND RECOMMENDATIONS OF THE UN CONGRESSES OF THE PREVENTION CRIME AND CRIMINAL JUSTICE AS A BASIS FOR THE FORMATION STATE COMPLEX PROGRAM OF COUNTERACTION CRIME IN UKRAINE

Aleksey Titarenko,

PhD in Law, Associate Professor,
Doctoral Candidate of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

The article conducts a theoretical study on the use of international standards in the formation of state-targeted anti-crime programs. The analysis of the conclusions and recommendations of the individual UN Congresses on Crime Prevention and Criminal Justice is carried out in order to formulate in a generalized way the basic principles and approaches that it is advisable for states to follow when developing preventive programs. Of particular interest in this aspect are the declarations adopted at the UN Congresses: the “Vienna Declaration” (2000), the “Bangkok Declaration” (2005), the “Salvadoran Declaration” (2010) and the “Doha Declaration” (2015). It has been substantiated that the legislation of Ukraine does not sufficiently regulate issues regarding the obligation to comply with international principles and approaches (standards) in the formation of state program documents in the area of counteraction crime. In this connection, a number of initiatives are proposed.

Key words: UN Congresses, principles and approaches of preventive programming, counteraction crime program.